

Эта статья написана в непривычном для автора жанре заочной коммуникации с немецким политиком, в форме комментария к его публичным заявлениям. Основу составило выступление бывшего руководителя Федеральной службы охраны конституции Ханса-Георга МААСЕНА на "1-м демократическом Конгрессе" в Берлине в июле этого года, созданном "Альтернативой для Германии".

КОНГРЕСС был посвящён свободе мнений, СМИ и правам человека, то есть как раз той повестке, которая многие годы использовалась европейским истеблишментом для трансформации мировой системы. На Украине — из постсоветского олигархата — в укронацизм. В Германии — из "социально-либеральной демократии" в "зелёный фашизм".

Возможно, дидактически выстроенные рассуждения о некоторых аспектах "Системы Германия" немецкого юриста, который, будучи членом правящей партии, до 2019 года возглавлял германскую госбезопасность, помогут соотнести с реалиями страны, власти которой в течение последних лет ведут её в авангард западной воинственной русофобии как элемента нового типа фашизма.

Теперь немного о заочном собеседнике. Ханс-Георг Маасен (1962 г. р.) — юрист, который специализировался на международном праве, безопасности и на миграционном праве. С начала 1990-х работал в федеральном МВД в Берлине, в том числе — руководителем отдела по правам иностранцев и заместителем начальника штаба по борьбе с терроризмом. С 2012 года он, будучи видным членом партии ХДС, — председатель Федеральной службы охраны конституции при кабинете А. Меркель. В 2018 году, однако, Маасен со скандалом отправлен в отставку после конфликта непосредственно с канцлером и её окружением. Тогда Маасен опроверг утверждения Меркель и других представителей правительства о сути и ходе беспорядков, произошедших в Хемнице после убийства иностранцем местного немца. Маасен, который и до того критически высказывался о миграционной политике кабинета, опроверг утверждение Меркель об охоте, организованной в городе на иностранцев ультраправыми.

После отставки Маасен уходит из ХДС и становится одной из центральных политических внепартийных фигур консервативной оппозиции тому, что он сам называет картелем партий (имеются в виду все партии, представляющие политический мейнстрим — от ХДС до левых и "зелёных"). В итоге сегодня он сам — объект наблюдения со стороны федеральной госбезопасности, причём официально. По его собственным словам: "со мной расстались, и с тех пор я являюсь политическим активистом в Германии, потому что больше не могу выносить то, как развивается наша страна — Германия: этот упадок, ложь политиков, эту неискренность. И у меня есть ощущение, что всё это закончится очень плохо... Ведомство по охране конституции, то есть моё прежнее ведомство ...наблюдает за мной как за лицом, подозреваемым в правозащитной деятельности, поскольку уже тогда я критически высказывался о миграционной политике Меркель и Европейской комиссии. ...Главное обвинение состоит в том, что я делегитимизирую федеральное правительство, выставляю его в презренном виде..."

Политическая валентность Маасена обрела особую пикантность в свете ситуации перед сентябрьскими земельными выборами на востоке ФРГ. В Саксонии-Анхальте они должны пройти 6 сентября, и кандидат от партии "Альтернатива для Германии" У. Зигмунд впервые имеет вполне реальный шанс сформировать правительство без участия картеля партий. Если такое случится, это будет означать коренной слом всей "Системы Германия" последней четверти века. В этом контексте уже публично обсуждается возможность назначения Маасена на должность главы МВД этой земли (напомним, что именно в Германии главам земельных МВД подчиняются руководители земельных органов госбезопасности).

Нижне речь пойдёт о нескольких конкретных аспектах "Системы Германия", которая, по выражению Маасена, превратилась в "тоталитарную демократию": о деградации системы права, о причинах миграционного кризиса и о климатической, или зелёной, секте.

Ханс-Георг Маасен (цитаты из выступления в ходе "1-го демократического Конгресса"): "В Германии, Брюсселе и на Западе существуют политические силы, которые не просто отвергают свободную демократию, но хотят её разрушить с целью создать авторитарную или тоталитарную демократию, в которой, в конечном счёте, демократически решать можно лишь то, что находится в рамках идеологии".

Бывший глава госбезопасности ФРГ не раз заочно подтверждал концепцию автора, согласно которой деформация "системы Германия" с середины 2000-х происходит не в силу недопонимания и ошибок элит в Берлине. Осуществляется целенаправленный качественный переход к другому жизненному укладу, включающему жёстко контролируемый элитой социум (см. "Завтра. Ничтожная Германия", 20.04.2023). В контексте деформации правовой системы он, в частности, указывает на следующие механизмы:

"Используемая техника очень проста: если "Альтернатива для Германии" (АдГ) нечто утверждает, значит, это уже "тема АдГ" (и тот, кто эту тему поднима-

ет, — уже тоже "адепт АдГ"). ... То есть если человек или группа стигматизированы, табуированы, автоматически табуируется и тема. Надо признать: ловкий приём, используемый для того, чтобы исключать темы из политического дискурса. Ещё одна техника заключается в том, что определённые темы вообще не должны подниматься. Классическим примером были коммунальные выборы в Кёльне, где партии, за исключением АдГ, договорились ни при каких обстоятельствах не затрагивать тему миграции. ...Разумеется, используется и техника отвлечения от определённых тем посредством постановки новых, совершенно неинтересных тем. Например, кит, который должен неделями занимать людей, тогда как другие, значительно более насущные вопросы, такие как экономическая конъюнктура или потеря рабочих мест, людей не занимают, и вместо этого они следят за судьбой кита (речь об истории спасения кита-горбача, весной этого года обнаруженного на мелководье немецкого побережья Балтики. Ведущие

весьма скудной с точки зрения правового государства правовой основе. Речь идёт о статье 29 Договора о ЕС и статье 215 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС). В качестве дипломатической меры там предусмотрено, что ограничительные меры могут приниматься в отношении юридических и физических лиц, если наносится ущерб внешнеполитическим целям, причём внешнеполитические цели затем устанавливаются определёнными решениями. Изначально основанием для подобных ограничительных мер было поведение таких государств, как Северная Корея или Иран, либо других так называемых государств-изгоев, когда говорили: хорошо, против такого государства вводится соответствующая санкция — запрет на ввоз определённых товаров, запрет на вывоз других товаров — чтобы побудить это государство к определённому дипломатическому поведению. В этом вполне есть смысл, и тогда, вероятно, говорили: нормально, можно так делать.

На втором этапе стали говорить: хорошо, если санкции вво-

ТЁМНОЕ БЕЗВЕТРИЕ

Германия: от зелёного фашизма к тоталитарной демократии

телеканалы сделали её едва ли не главной линией новостей сюжетов. Киту было дано имя — Тимми. Канал ZDF* вёл десятичасовое вещание акции по спасению Тимми в одном из подкастов, а эксперты в эфире обсуждали тему в контексте нового гуманизма и зелёной повестки). Или темы изобретаются, ...чтобы именно в определённых политических ситуациях отвлечь внимание. Я думаю о так называемой "Ванзейской конференции 2.0", состоявшейся ещё в ноябре 2023 года, ... которая, однако, попала в СМИ лишь в январе 2024 года — как раз тогда, когда в Германии проходили крупные протесты фермеров и многие предприниматели в сфере логистики также вышли на улицы. После этого демонстрации больше не обсуждались публично, вместо них обсуждалась фикция "Ванзейской конференции 2.0"...

Ещё один шаг, который я также никогда не мог представить в Германии, — это криминализация людей, придерживающихся определённых взглядов. В последние годы уголовное законодательство неоднократно изменялось, будь то состав статьи "Разжигание ненависти" — параграф 130 Уголовного кодекса — или так называемая статья "Оскорбления" (защитает "персон политической жизни"), параграф 188 Уголовного кодекса. Сначала это были лишь правовые дополнения, ...однако юстиция ...в значительной степени расширительно толкует эти составы преступлений таким образом, что у нас больше нет правовой определённости относительно того, что вообще ещё законно, а что незаконно. ...Каждому должно быть ясно, ...какой лозунг запрещён, какой знак запрещён, а какой нет. То, что мы имеем здесь, — это сознательная неопределённость, создаваемая уголовной юстицией для того, чтобы в случае сомнения ограничить людям возможность высказывать собственное мнение, поскольку, в конечном счёте, они боятся оказаться перед судьей из-за неверно выбранного выражения..."

ДАЛЕЕ Маасен поднимает вопрос, чрезвычайно важный для России. Он говорит о европейских санкциях как о незаконном механизме ограничения свобод и ещё одним аспекте эрозии права в ЕС и в Германии. А тем временем в самой России даже официальные лица и юристы в своих действиях и высказываниях нередко говорят о санкциях в отношении нас и об уголовных преследованиях граждан РФ и других государств, действовавших вопреки этим санкциям, как о некоем естественном правовом прецеденте. Вот пример одной из таких формулировок: "Уголовное преследование связано с вопросами соблюдения экспортных ограничений и санкционных режимов, введённых отдельными государствами. Обязательства дела продолжают исследоваться компетентными органами ФРГ..." Этот текст был написан российскими юристами для предъявления российским политикам, а речь идёт о защите прав граждан России, находящихся в тюрьмах Германии... Термин "незаконные санкции Запада" не стал обязательным в официальной повестке (для сравнения: в ФРГ выражение "незаконная агрессивная война" в отношении СВО — это норма общественного дискурса). Не говоря уже о том, чтобы найти юридические формы и открыть уголовные дела здесь в отношении организаторов и тех, кто активно поддерживает санкции на Западе и в других странах. Но вот что считает немецкий юрист:

"Санкции Советом министров иностранных дел и безопасности ЕС вводятся уже около 15 лет. Это дипломатические меры, которые осуществляются на ...

дятся против этих государств, тогда нужно санкционировать и руководителей государств, ведь руководители могут сами заказывать эти товары, верно? Почему они должны иметь возможность заказывать себе роскошные автомобили из Германии? Тогда сказали: это нормально. Но уже здесь можно было задать вопрос: как возможно, что отдельные лица подвергаются санкциям без судебного решения? Но затем стали делать это и в отношении членов семей. Затем — в отношении людей из окружения Путина, генералитета и членов их семей. И к настоящему времени этими санкциями затронуты в общей сложности 4 300 отдельных лиц. "Затронуты" — это означает, что счета, существующие здесь, в Европе, в ЕС, замораживаются. "Замораживаются" звучит ещё эффемизмом — фактически их у людей отнимают. Доступ к ним невозможен на практически не обозримый срок. Решения хотя и принимаются на определённый период, но затем снова и снова продлеваются. ...Но теперь ЕС пришёл к идее применять это испытанное средство и к собственным гражданам, а также к гражданам Швейцарии. И это, разумеется, совершенно иное измерение: применять это к собственным гражданам или теперь к гражданину Швейцарии Жаку Боду (отставной военный, аналитик, автор книг). А это означает: у этих людей нет банковских счетов. Они живут здесь, они не могут получать деньги, они даже не имеют права получать социальные выплаты. В лучшем случае они могут оплачивать своих адвокатов. И всё это происходит по процедуре, которая не имеет ничего общего с правовым государством. Решение принимает Совет ЕС, министры иностранных дел и безопасности, без предварительного заслушивания затронутых лиц, без того, чтобы они вообще были представлены адвокатами в этой процедуре, без судебного решения и без уголовного закона, который признавал бы поведение этих лиц уголовно наказуемым и подлежащим санкциям. И всё это лишь на основании единственной нормы — статьи 215 ДФЕС, где говорится, что могут приниматься ограничительные меры. Против этого можно подавать правовые иски в Европейский суд, однако эти иски не обеспечивают эффективной защиты, поскольку Совет ЕС, министры иностранных дел и безопасности после положительного решения суда могут просто принять новое решение, и всё начинается сначала... Это не санкции, это параллельное уголовное право, которое не называют уголовным правом. Людей наказывают за поведение, которое не является уголовно наказуемым. Жаку Боду, или господину Догру, немцу, живущему в Берлине, ставят в вину, что они высказывались или в поддержку Путина, или, соответственно, как в случае Хюсейна Догру, называют происходящее в секторе Газа геноцидом. ...Это насмешка над конституционным принципом: нет наказания без закона. Это насмешка над закреплёнными в Европейской конвенции по правам человека и Хартии ЕС правами обвиняемого быть заслушанным и представлять самого себя. ...А общественность этого практически не замечает. Нужно сказать: Европа имеет дело с тем, кто хочет изменить нашу систему, то преимуществ, что, к сожалению, не существует европейской ответственности, которая могла бы всё это обличать..."

МИГРАЦИЯ — ещё один аспект деградации "Системы Германия". Следующие высказывания Маасена взяты из его интервью спикеру австрийской партии FPÖ по гражданским инициативам М.-К. Джулиани, вышедшему вскоре

после эксцесса в Сеуте, когда около 72 тысяч человек из Марокко высадились на её территории и, согласно испанским законам, получили право требовать убежище в ЕС.

"Обычно государство не может без каких-либо дополнительных оснований предоставлять гражданам других государств убежище или право на пребывание, потому что это является вмешательством в персональный суверенитет государств, которые предоставляют гражданство или выдают паспорта. Поэтому право убежища — это не субъективное право, а объективное право государства. Но с течением десятилетий оно превратилось в более или менее субъективное право, в особен-ности благодаря Женевской конвенции о статусе беженцев.

Однако это право убежища как право конкретного лица не означает права объехать весь мир и выбрать себе место, где хотелось бы жить. Оно означает право находиться в данном государстве, если человека признали соискателем убежища, имеющим право на убежище, причём только при определённых условиях. Человек должен подвергаться политическому преследованию по причине своих политических убеждений, этнической принадлежности или религии. Об этом говорит статья 1 Женевской конвенции о статусе беженцев.

Здесь есть один принципиально важный момент, поэтому я особо его подчеркиваю: в качестве субъективного права право убежища — это, по существу, лишь право в рамках уже предоставленного убежища. То есть если Австрия или Германия говорят: "Этот человек подвергается политическому преследованию", — тогда в соответствии с Женевской конвенцией у меня возникает определённые права. У меня есть право на доступ к рынку труда, право на предоставление мне вида на жительство. Но важнейшее право состоит в том, что меня нельзя депортировать в государство, которое меня преследует. Это называется запретом на возвращение, принципом невысылки.

Это различие между правом в рамках убежища и правом на получение убежища имеет ключевое значение, потому что в Европе произошёл серьёзный перекос в правовом развитии, который в том числе привёл к ситуации в Сеуте. Право на получение убежища нарушалось бы суверенное право государства решать, кому разрешён въезд в его страну. В 1980-е и 1990-е годы лобби в поддержку беженцев активно добивалось в Брюсселе того, чтобы запрет на возвращение, о котором я только что говорил, — то есть запрет высылать признанных беженцев в преследующее их государство — распространялся и на соискателей убежища, стоящих у границы. Германия и другие страны годами говорили: это недопустимо. Ведь тогда человек, который только просит убежища и ещё не признан имеющим на него право, может просто сказать на границе слово "убежище", и его обязаны выпустить. Да, это подрыв государственного суверенитета, то есть права решать, кого я принимаю.

Но когда число заявлений на убежище в Германии и Европе было сравнительно небольшим — в конце 1990-х и начале 2000-х годов, — это всё же про-вели на европейском уровне. Иными словами, если кто-то говорит на границе слово "убежище", то, согласно европейскому пониманию, начинает действовать запрет на возвращение: человека нельзя развернуть на границе. Исключение возможно, если прямо на границе проводится процедура рассмотрения заявления на убежище, что на практике почти невозможно.

Новое постановление об убежище, вступившее в силу только в июле (2026 года. — Авт.), предусматривает именно это. В результате возникает юридически и фактически катастрофическая ситуация: соискатели убежища, которые через Эгейское море прибывают в Грецию либо прибывают в Италию или Испанию, говорят "убежище", и, согласно европейскому правовому пониманию, их нельзя развернуть, если только процедура рассмотрения заявления не проводится прямо на границе. Этого добились лобби в поддержку убежища (или индустрия убежища). ...И я бы даже не стал говорить о беспомощности наших политиков. У них вообще нет воли помогать или проводить иную политику. Очевидно, что они считают правильную политику массовой иммиграции. А ведь они могли бы немедленно остановить миграцию, сказав: запрет на возвращение не действует на границе; вы не войдёте. Они могли бы послать ясные сигналы, могли бы депортировать людей, если бы захотели. Но они не хотят... Речь идёт о том, что за последние годы в нашу страну, в Германию, прибыло более шести миллионов человек. И, с моей точки зрения, без правового основания. Государство, или правительство, не уполномочено впускать в страну миллионы людей. Вопрос: почему оно это делает?

На него можно постепенно ответить, если посмотреть на идеологию этих лево-зелёных политиков — в Мадриде, Брюсселе или где-либо ещё. Эта идеология очень проста: они ненавидят белых и, очевидно, хотя и иного общества. Во всяком случае, в отношении этих политиков должно существовать серьёзное подозрение именно в этом. Это ментальность, схожая с ментальностью демократов в США, которые ненавидят белое общество. То же самое происходит в Германии. Речь не просто о ненависти к белым, а об "антигерманцах", считающих, что через 50 лет в Германии не должно остаться белых. Да, такая ментальность доминирует в этой левоэкстремистской секте. И мы должны ясно это понимать. ...И пока такие политики находятся у власти, они ничего не изменят. Эта левоэкстремистская секта противников белых, а в Германии — "антигерманцев", стала, нужно признать, доминирующей, прежде всего в ...мейнстримных СМИ, а также в целом ряде партий. ...Например, говорят: мы, европейцы, прежде всего должны искупить вину за колониальную эпоху. Мы должны делать для защиты климата больше, чем государства третьего мира, потому что в ходе индустриализации накопили большой климатический долг, своего рода ипотеку из выбросов CO2. Мы жили не по средствам. Доходит до утверждения, что именно от нас исходили войны. В Германии это повторяют снова и снова: немцы в конечном счёте виновны во всех катастрофах XIX и XX веков. Поэтому немцев не должно быть так много. Прежде всего, они больше не должны оказывать влияние на политику, и поэтому в страну нужно впускать иностранцев. С моей точки зрения, здесь практикуется обратный расизм. Именно поэтому истеблишмент и ведомство по охране конституции подвергли меня массированным нападкам. Я говорю: это обратный расизм, расизм, направленный против белых. Я считаю этот расизм уже почти психопатическим. Но я вижу его последствия. Последствия катастрофичны, и они объясняются также тем, что эта тема табуирована в публичном пространстве, что здесь над нами, скажем так, господствует идеологическая секта — будь то в Берлине или Брюсселе, — что и приводит к этим катастрофи-

ческим последствиям миграционной политики..."

С точки зрения автора, аргументация Маасена содержит кажущийся парадокс. С одной стороны, "идеологическая секта" и "картель партий" как раз обвиняют АдГ в реваншистских тенденциях, включающих и расизм, и "отмену чувства вины" Германии за холокост, и прочие грехи. И обвиняет не всегда без оснований (см. статью "Германский кот в мешке и фиговый листок автора" от 6.08.2026). С другой стороны, сама эта "секта" как раз и ведёт страну к "зелёному фашизму", новому милитаризму и "дрангу нах остен, нах Руссланд", а Маасен и компания противостоят ей. Но парадокс снимается, если представить себе ситуацию иначе — при всех внутригерманских играх есть внешние управленцы, которые сделали ставку на "зелёный фашизм", но при сильном противодействии альтернативы уже готовят его трансформацию с использованием реваншистов-атлантистов из альтернативных кругов. Кроме того, "зелёный фашизм", как указывалось выше, не сводится к "антибелому расизму". "Зелёный фашизм" как технология обслуживал и обслуживает колоссальный план смены всего уклада, в том числе энергетического и экономического. Собственно, и сам Маасен об этом говорит:

"Нужно признать, ландшафты Германии очень красивы. Только теперь повсюду видны ветрогенераторы... Невообразимое количество тонн бетона закачивается в лесную почву, а затем на этом месте возводятся гигантские ветрогенераторы. Нужно понимать: чем дальше от моря, тем слабее ветер. Поэтому ветрогенераторы становятся всё выше и больше — до 200 метров, потому что только на такой высоте можно поймать ветер, достаточный для выработки электроэнергии. У доминирующей сейчас в Германии климатической секты такая идеология: мы отказываемся от всех видов ископаемого топлива, отказываемся от атомной энергетики и снабжаем себя электроэнергией исключительно за счёт ветра и фотовольтаики. ...Достаточно быть простой молочницей, чтобы понять: такая схема никогда не сойдётся. И политики тоже это знают. Но это большой бизнес, почти как контрабанда людей. На ветрогенераторах зарабатывают огромные деньги. Фермеров, если они предоставляют несколько квадратных метров земли для ветрогенератора, буквально озолачивают, даже если с политической точки зрения они ...считают всё это безумием.

С другой стороны, нужно понимать: одной ветровой и солнечной энергетики будет недостаточно, чтобы поддерживать работу страны, даже если деиндустриализация продолжится. ...И тогда где-нибудь в середине января или в феврале, когда в Германии по-настоящему темно и нет ветра, у нас, возможно, ...произойдёт крах энергосистемы, если только иностранные государства не поставят достаточное количество электроэнергии, вырабатанной на атомных станциях и она не поступит вовремя, чтобы компенсировать дефицит. Для этой страны последствия могут быть катастрофическими. Я надеюсь, что этого не произойдёт, но все признаки очень неблагоприятны..."

У бывшего главы госбезопасности ФРГ есть свой прогноз на упомянутые выше осенние выборы в Саксонии-Анхальте, Мекленбурге — Передней Померании и Берлине. "Будет интересно увидеть, как пройдёт 6 сентября, какое влияние результат окажет на выборы в Мекленбурге 20 сентября и останется ли после этого Фридрих Мерц федеральным канцлером. Одно ясно: если ХДС понесёт драматические потери на этих земельных выборах, проигравшим окажется Мерц с его политикой глухой стены по отношению к АдГ. И тогда возникнет вопрос, продолжат ли депутаты Бундестага от ХДС его поддерживать или же, скажем так, покажут ему будут натованы, и они скажут: "С ним больше ничего не получится, он должен уйти, и мы возьмём другого". Этот вопрос встанет после выборов..."

Виталий ВОЛКОВ

* Вражье СМИ

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте завтра.ру.